

Паром на Шексне

Шексна почти что недвижима,
и небо в серости сырой,
и клочья выхлопного дыма
плывут над вспененной водой.

А север веет непогодой,
дождём с зари и до зари...
Печальна русская природа,
как на неё ни посмотри.

В ней не веселие, а воля,
и не успех в ней, а судьба,
и не цветник, а просто поле,
не винограды, а хлеба.

Вглядись в её простор былинный,
в туман, ползущий по реке...
Уже зардела кисть калины
горячей кровью на руке.

Серебряные ночи

Когда серебряные ночи
раскинутся над белым светом,
когда душа твоя захочет
узнать вопросы и ответы,
и статуй мраморные пальцы
поглядят равнодушный воздух —

тогда усталому скитальцу
откроется, что значит «поздно».

Всё это – прошлое, и ты в нём
случаен и совсем не нужен —
здесь ты скрываешься от ливня,
а там заказываешь ужин,
и вдоль извилистых каналов
пойдёшь мечтательно, без цели,
и вдруг почувствуешь, как мало
узнали, слышали, успели...

Как мало было слов и строчек,
как мало было лет и вёсен,
но много скорбных многоточий,
и нескончаемая осень,
и те же склепы старых зданий,
и лестниц стертые перила,
и омуты воспоминаний
о том, что не с тобой случилось.

Но для тебя – совсем родное,
от колыбели до кончины,
и солнечное, и земное,
все следствия и все причины...
Так в улетающем трамвае
ты узнаёшь тот самый взгляд,
и счастье душу разрывает,
как целый век тому назад.

Дантес

Дантес (не Жорж, конечно, а Эдмон),
увы, в Россию так и не поехал, —
не довелось обить собольим мехом
его карету и его вагон.
Не стали перестраивать столицу,
не появился золотой клозет,
не слышно было криканья газет,
не дождалась Россия инвестиций...

Не оттого ли праведная месть
у нас реализуется в похмелье,
и справедливость не бывает целью,
она – мечта, и очень редко – весть.
Не оттого ли вера нам дороже
закона? Нам бы каяться, да красть,
и проклинать предателей и власть,
оплакивая Русь в предсмертной дрожи...

А если с обратной стороны
на это посмотреть? Усни в Париже,

и ночь на струны памяти нанижет
видения любимой старины,
а утром ты в намоленном соборе,
где отпевали Бунина, стоишь
и чувствуешь, как трепетная тишь
таит в себе вздыхающее море...

Россия, как ни мало здесь тебя,
но всё тобою соткано и спето.
Разлуки нет и не было. За это
я принимаю, веря и любя,
твой дивный мир, что надвое расколот,
твой страшный путь исканий и потерь,
былое и рождённое теперь,
молений жар и размышлений холод.

Не пустит корень Франция в Москве,
Дантесу в Петербурге быть Геккерном,
коньяк не возят в нефтяных цистернах,
газетный вой не заповедь молве!
Флоберу Пушкин показался плоским, —
я нахожу, что Центр Помпиду
и неуклюж, и грязен, но иду
на выставку Дали. Вот как всё просто!

Рождённый дважды

Всё время слышу, как вокруг твердят,
что плохо всё, что жизнь не удалась,
и некто, полувыбрит и поддат,
клянёт погоду, родственников, власть, —
всё, что припомнит, разве только Бога
не упомянет (он же атеист),
и всё никак не вырулит к итогу,
зануден, пустословен, голосист...

Угадываю жадное желание
иметь в запасе жизнь, а лучше две,
прожить одну, а дальше — знать заранее
все прикупы (и джокер в рукаве!).
Желанье знать таблицу лотереи,
листы вакансий, ценовой разброс,
исчислить всё и разрешить скорее
квартирный или половой вопрос.
Но, выслушав, я снова промолчу
и свой секрет, как робкую свечу
ладонями от сквозняка закрою.
Не по плечу мне, да и не хочу
в распивочной разыгрывать героя.

Ты знаешь, я живу не в первый раз,
я мог бы целый год плести рассказ

о людях, знаменитых и не очень,
о городах, державах и эпохах,
включая всё, что льется между строчек,
все капли, растворённые в потоках
прожитой жизни. Тот бесценный опыт,
казалось мне, способен уберечь
мою судьбу от нежеланных встреч,
от всех невзгод, пожаров и потопов...

Но отчего же, помня каждый шаг,
я повторяю прежние ошибки,
шагаю неуверенно и зыбко,
смотрю не там, и делаю не так?
Я вновь теряю дорогих друзей,
и в горькой ссоре расстаюсь с родными,
и, словно варвар, заплутавший в Риме,
иду в Македонидс, миновав музей...
Ступаю на знакомую тропинку,
и через миг – в неведомом краю...
Произношу молитву без запинки,
а после – продаю и предаю...
И не спасает память от безвременья,
ведя по лабиринту в темноту,
но снится белокрылое парение
твоей любви, поющей на лету,
и каждый раз по-новому рождаясь,
она меня зовёт издали –
цветок сансары, строчка золотая,
туман, росинка, ручеёк, река...

* * *

Всё воздушней, всё скорее
через реки и холмы
от апостола Андрея
до апостола Фомы,
от распаханного поля
и соснового венца
до жемчужины в неволе
и железного кольца...
Дух любви и дух сомнений,
с вечной скорбью вечный спор,
по полям туман и тени,
в небесах молчанье гор...
От ручья до океана
в тихой музыке дождя
обезумевшие страны
незаметно обходя,
Ты всё видишь, Ты всё знаешь,
Ты опять прощаешь нам,
но с отравой кровь земная
делит души пополам,

по артериям и венам
растекается огнём,
то позором, то изменой
искушая день за днём.
Разум злобен, сердце немо,
страсть слепа и горяча...
Ты простишь и эту немощь —
самому бы не прощать,
самому надеть рубаху,
что как снег белым-бела,
самому пойти на плаху
за слова и за дела,
а потом с Тобой далёко
через горы и леса,
где, куда ни глянет око,
края отчего краса,
где Твоё благословенье
в подорожнике росой,
где откроется спасенье
душеньке босой.